

ГРАММАТИКА ДИАЛОГА: ТЕКСТ И МЕТАТЕКСТ DIALOGUE GRAMMAR: TEXT AND METATEXT

Л.Л. Федорова
Институт лингвистики РГГУ
lfvoux@yandex.ru

Грамматика диалога, модель которой разрабатывается автором, позволяет выделить в тексте диалога два уровня: текстовый, соотносимый с ситуацией сообщения (фактом речи), и метатекстовый – с ситуацией общения (актом речи). На метатекстовом уровне эксплицитно выражаются речевые характеристики общения.

В настоящее время интерес к моделированию грамматики диалога в соответствии с идеями М.М. Бахтина отмечается среди зарубежных исследователей (П. Линнел, И. Маркова [2,3], В. Мединцев [4]).

Наши публикации по разработке грамматики диалога появились в конце 70-х – 80 гг. (Федорова [6– 8]). Они опирались на работы В.А. Звегинцева, М.М. Бахтина, А.Н. Леонтьева, А. Вежбицкой, Дж. Остина, Дж. Серля и др.

Мы исходили из представления о диалоге как языковой форме взаимодействия, общения, которая может продуктивно рассматриваться в контексте коммуникативного, психологического и социального контакта между собеседниками. Грамматика диалога в таком случае включает морфологию и синтаксис, в которых анализируются форма диалогических единиц и способы их связи.

Основной единицей анализа диалога, компонентом диалога, признается акт речевого взаимодействия, составленный репликами – акцией и реакциями на нее. Диалог не состоит из реплик, как вещество не состоит из атомов. Реплика не равнозначна высказыванию монологического текста, поскольку предполагает отзыв, валентность, выстраивающую диалогическое отношение ("Нельзя без конца произносить монолог: рано или поздно услышишь другой голос – всякий монолог превращается в спор" Грэм Грин). Тем самым диалогическое отношение – основная пружина взаимодействия, его интрига – осуществляется внутри этой единицы, оставаясь внутренне присущим ей. И в результате существует множество различных пар реплик, по-разному связанных между собой. Эти элементарные диалоги могут рассматриваться как законченные, завершённые. Но заключенный в реплике-реакции заряд речевого воздействия может вызывать последующие реакции, по отношению к которым предыдущая реплика оказывается акцией. Таким образом, основным синтаксическим отношением в диалоге оказывается именно диалогическое отношение между акцией и реакцией.

Грамматика диалога строится в категориях "вопрос – ответ", "предложение – согласие /отказ", "мнение – согласие /возражение /иное мнение" и т. п. Предметом изучения являются в первую очередь способы выражения диалогических категорий. Выделение этих категорий основывается на представлении о разном функциональном содержании высказываний внутри диалога, разной силе заключенного в них речевого воздействия и о стандартных способах их выражения.

Речевое воздействие проявляет себя прежде всего в интонации, но также и в тексте – его структуре и характере составляющих. Речевое воздействие выражается перформативным глаголом, напр.:

(1) **Марь Иванна.** *Я вас последний раз предупреждаю, Капитолина Петровна: если Совет Безопасности проголосует за санкции, я за себя не ручаюсь!*

(В.Шендерович. Санкции. Здесь и далее примеры из (Шендерович [9]));

или грамматической формой императива, напр.:

(2) **Человек.** И вот я думаю: есть Бог – или нет? Или все-таки – есть? Или все-таки – нету?.. Или есть?

Голос сверху. Нету меня, нету! *Сну!*

(В. Шендерович. Бессонница)

или синтаксическим строем реплики, напр. вопроса:

(3) Иванов. *Мужики, никто не знает:* столица Венесуэлы, семь букв?
(В. Шендерович. Ошибка резидента)

Все эти случаи при их смысловой и грамматической разнородности объединяет соотношенность текста с ситуацией общения, представляющей контекст речи. Тем самым диалогический текст имеет двойную референтную соотношенность – с актом речи (и шире – с ситуацией общения) и с фактом речи (по Р. Якобсону). Элементы и структуры, соотносимые с ситуацией общения, образуют метатекст. (Существование двух референтных планов в диалоге отмечалось в работе (Федорова, [7])).

Как представляется, такое понимание метатекста несколько расширяет содержание данного понятия, введенного А.Вежбицкой [1], но не противоречит ему. Более того, в современной лингвистике встречается и более широкая аналогия – метапослание, заключенный в высказывании обобщенный смысл, скрытый, но улавливаемый собеседником (Дебора Таннен [5]). Метатекст некоторым образом актуализует метапослание, когда появляется необходимость в такой актуализации. Именно метатекст помогает говорящим понять смысл действий друг друга, понять саму ситуацию как общение.

Ситуация общения актуализуется, попадая в фокус речи в узловые моменты коммуникации: в ее начале при установлении контакта, в ее конце при завершении речевого контакта, в случаях нарушения взаимопонимания. А также при необходимости выделения собственно речевого действия для уточнения его характера, при усилении речевого воздействия. Тогда происходит переключение референции с сообщаемого на процесс общения, на момент речи.

Собственно говоря, ситуация общения имплицитно всегда присутствует в высказывании: через употребление личных местоимений (я, ты, вы, мы), дейксиса, глагольных времен. Но обычно эти употребления лишь задают необходимые координаты общения, без которых сообщение не может быть понято. В метатексте происходит именно актуализация самой ситуации и ролей собеседников.

В силу своей заданности ситуация общения обычно не требует выражения, однако в ритуале принимает стандартное выражение. И отклонения от стандарта также выражаются метатекстом. Напр.:

(4) Председательствующий. *Слово имеет Христос.*

Христос. Люди! Я сын Божий!

Председательствующий. *Регламент!*

Христос. *Я еще не сказал.*

Председательствующий. *Сказал.*

Христос. *А я хочу еще!*

(В. Шендерович. Христос и собрание)

Ритуальная ситуация общения сама может быть "фактом речи" – допустим, в актах приветствия, прощания, выражения благодарности и в других ритуальных действиях, когда не происходит передачи информации о некоей иной, действительной или виртуальной ситуации или же когда сообщение заключается в подчиненную, незначимую позицию. Тогда противопоставление текста и метатекста нейтрализуется, либо главенство метатекста ощущается как навязанное, а смысл ритуальных речевых формул даже противоречит ситуации речи (как в (4) примере) либо сообщению. Последний случай обыгрывается В. Шендеровичем, каламбурно переводящим метатекст в текст (выделен жирным – основной текст, курсивом – метатекст, переводимый в текст):

(5) – Здравствуйте, товарищи североморцы!

– Здрав-ав-ав-ав-ав-ав!

– Поздравляю вас с **наступлением полярной ночи!**

– *Ye-e!..*

(В.Шендерович. Высокие широты)

В переводе на метауровень (метапослание) этот пример можно представить так:

Приветствие – ритуальное выражение доброжелательности.

Ответное приветствие – актуальное выражение агрессии.

Поздравление по поводу события (ритуально – радостного, актуально – безрадостного).

Ритуальное выражение радости – актуальное требование денег (возмещения материального ущерба).

Представление метатекста в структуре реплики, как видно из примеров, не однородно. Это может быть целое высказывание или выделенные вводные слова – обращения, элементы логической и коммуникативной организации высказывания, выражения субъективной модальности; это могут быть и вплетенные в основной текст и согласованные с ним элементы и

конструкции. При всем их разнообразии они соотносятся с основными компонентами ситуации общения: участниками коммуникации, действиями говорящего и слушающего, особенностями контакта. Предмет речи обычно раскрывается основным текстом.

Рассмотрим способы представления основных компонентов ситуации общения.

1. Метатекст, представляющий ситуацию общения как целое

1.1. Блоки метатекста, соответствующие предложениям.

В них отмечены коммуникативные действия или намерения говорящего и в обращении назван адресат:

(6) **Вуду.** *Кетчуп!* Я хочу вас обрадовать.
Кетчуп. Я готов принять радость, Вуду.
(В. Шендерович. Тезка Швейцера)

1.2. Блоки метатекста, синтаксически объединенные с текстом:

(7) **Голос Альберта.** Я прошу ускорить рассмотрение заявки! (Хрип из рации в ответ). Я надеюсь, вы понимаете, в какой ситуации здесь находятся люди... (Хрип)
(В. Шендерович. Тезка Швейцера)

Здесь выражение речевого действия – просьбы – объединено с содержанием сообщения. Далее надежда на взаимопонимание высказывается по поводу сообщения, данного в синтаксически подчиненной позиции. Взаимопонимание – характеристика контакта, необходимого условия ситуации общения.

2. Метатекст, представляющий отдельные компоненты ситуации общения

2.1. Компоненты метатекста, отмечающие участников диалога

Обозначение действующих лиц диалога местоимениями (я, ты, мы, вы) – неотъемлемо присутствует в реплике в эксплицитном или имплицитном виде. Эти местоимения – область пересечения традиционной грамматики языка и грамматики диалога, как бы надстраивающейся над ней. Далее мы будем рассматривать собственно метатекстовые показатели.

2.1.1. Обозначение адресата

Адресат непосредственно отмечается формой обращения.

Обращение необходимо для установления контакта, и это его прямая – контактная, контактоустанавливающая – функция. Контактную функцию оно может выполнять и при повторном употреблении в диалоге в ситуации призыва ко вниманию, поддержанию контакта (контактоподдерживающая функция). В этих случаях естественно употребление обращения в препозиции.

(8) **Председательствующий.** Слово имеет Христос.
Христос. *Люди!* Я сын Божий!
Председательствующий. Регламент!
<...> **Председательствующий** (народу). Ну что, дадим ему еще?
Народ (хором). Пошел вон!
Христос. *Люди!* Вы братья!
(В. Шендерович. Христос и собрание)

В аппелятивной функции – как призыв к ответу на вопрос – естественно употребление обращения как в препозиции, так и в постпозиции. В последнем случае оно является сигналом к ответу, отмечая границу, передачу речи, и в то же время призывом к ответственности, а может указывать выбор в ситуации нескольких возможных адресатов. Особенно характерно аппелятивное употребление обращения при вопросах непосредственно о собеседнике, т.е. включающих местоимение 2 лица:

(9) **Цезарь.** И ты, Брут?
Брут. И я, Цезарь.
Цезарь. Не ожидал...
Брут. Сюрприз!
(В. Шендерович. По мотивам Светония)

В ответе может возникать симметричное обращение – как принятие своей позиции, ответственность и ответственность. Его употребление не обусловлено ни контактной, ни аппелятивной функцией.

Апеллятивное обращение сопровождается также директивы разного рода:

(10) – Не ходи тут, *мужик*. Выборы у нас завтра, убить могут.

(В. Шендерович. Вечернее);

(11) **Вождь.** *Альберт!* Давайте поговорим как взрослые люди.

(В. Шендерович. Тезка Швейцера)

Апеллятивное обращение может использоваться как собственно речевое воздействие. В таком случае оно представляет собой самостоятельную акцию:

(12) **Фема.** А у меня еще есть царапина.<...> Вот!

Вождь. *Фема!*

Фема (возмущенно). У меня царапина!

(В. Шендерович. Тезка Швейцера)

В зависимости от интонации обращение-воздействие может иметь смысл укора, запрета, предостережения, просьбы и др.

Обращение в сочетании с декларативами, особенно содержащими отсылку ко 2 л., усиливает содержание реплики, придает ему большую убедительность:

(13) **Альберт.** Я не ребенок.

Вождь. Вы младенец, *Альберт!* Вы максималист.

(В. Шендерович. Тезка Швейцера)

Здесь обращение выполняет своего рода служебную, риторическую функцию: оно выделяет декларацию, содержащую антитезис, оформляя ее как законченное действие, возражение. Вообще обращение часто появляется тогда, когда содержание реплики противоречит ожиданиям (ср. также реплику Брута в (9) примере). Можно назвать это метатекстовой функцией обращения.

Интерес представляет препозитивное обращение в ответе. Оно подчеркивает ответственность позиции, декларативность реплики, придает ответу характер акции:

(14) **Вождь.** Дорогой Альберт! Весь этот дарвинизм так обостряет интуицию.

Свяжитесь поскорее со своей конторой, попросите их прислать нам предметов первой и второй необходимости.

Альберт. *Уважаемый вождь!* Я готов вам помочь, я хочу помочь! – но для этого Народ Цапли должен, по крайней мере, перестать все время воровать и, разумеется, ... ну вот...

(В. Шендерович. Тезка Швейцера)

Это также риторическое, метатекстовое употребление обращения, вводящее реплику, противоречащую ожиданиям.

Если бы обращение использовалось только для установления речевого контакта и призыва к ответу, вряд ли было бы оправдано его неоднократное повторное употребление в диалоге, и в частности в ответе при непосредственном контакте собеседников. Риторическое употребление не является обязательным, оно лишь усиливает речевое действие или выделяет его содержание. Необходимость же обращения в подобных случаях, а также выбор его формы определяются социальными конвенциями и личными отношениями между коммуникантами, выражение этих значений – косвенная функция обращения:

(15) **Фараон.** Как жизнь, *ребята?*

Рабы. Плохо, *господин.*

Фараон. Есть-пить дают?

Рабы. Мало, *господин.* <...>

(В. Шендерович. Встреча с народом)

Здесь повторное употребление обращения в ответах предписано низкой социальной позицией. Вообще само употребление обращения подчеркивает характер контакта между собеседниками (формальный или неформальный, дружеский или солидарный), а при изменении его формы – изменение дистанции между ними.

Когда речевой контакт установлен и нет необходимости в его поддержании, обращение выполняет именно эту функцию, ее можно назвать функцией регулирования дистанции или поддержания социального и психологического контакта между собеседниками – т.е. фатической.

(16) **Генерал.** Доктор, мне скучно.

Начмед. А вы, *дуся*, водочкой...

(В. Шендерович. Санчасть)

В ответ на формальное обращение "Доктор", генерал получает неформальное, сочувственное, сокращающее дистанцию "дуся".

Такое обращение возможно как в постпозиции, так и внутри реплики.

Можно выстроить своего рода иерархию сочетаемости обращений с разными типами речевых действий: чаще всего обращения сопряжены с вопросами, содержащими формы 2 лица, или директивами-императивами, субъектом действия которых предполагается адресат, 2 лицо. Менее частотными оказываются связи обращения с утверждениями декларативного характера, содержащими формы 2 лица. Наконец, наиболее редки сочетания обращения с декларативами, не включающими 2 лицо (не в ситуации установления контакта), но тогда можно предположить, в соответствии с принципом кооперации Грайса, что импликатурой декларатива является директивная акция, в которой обращение отмечает предполагаемый субъект действия. Так, в примере (16) декларативная жалоба генерала скрывает просьбу о помощи к начмеду. См. также следующий пример:

(17) – Почему вы не уезжаете, *Исаак Моисеевич*?

– А что?

– Как "что"? Но все же уезжают!

– Разве?

– Все уже давно уехали, *Исаак Моисеевич*! <...>

(В. Шендерович. Время – вперед!)

Здесь два разных по функции употребления обращения: первое – апеллятивное, призыв к ответу, второе обращение – увещательное, для придания убедительности повторному сообщению, вернее, убедительным должно быть имплицитное воздействие: *Вам надо уезжать, уезжайте!* Здесь опять мы имеем дело с метатекстовой функцией обращения.

Итак, помимо основных функций (контактной, фатической, апеллятивной) у обращения можно выделить и метатекстовую функцию.

2.1.2. Обозначение говорящего

Говорящий также может передвинуть фокус высказывания на себя, выделив собственную роль в диалоге. Обычно говорящий обозначает себя как субъекта речевого действия, т.е. в составе метатекстового блока-предложения:

(18) **Стронцилов.** <...> Рассола не найдется?

Пашкин. Похмеляться надо кефиром!

Стронцилов. Да?

Пашкин. Я тебе говорю.

(В. Шендерович. Два ангела, четыре человека)

Однако в ситуации знакомства, представления говорящие обозначают себя непосредственно по имени или как носителей социальной роли:

(19) – *Здравствуйте. Вы – слесарь?*

– *Я киллер.*

– А я слесаря вызывал.

– А я киллер.

– <...> *Господин Киллер*, не в службу, а в дружбу – сбегайте в ДЭЗ, спросите – что они там все, с ума посходили?

(В. Шендерович. В дверях)

Представление – это установление контакта и потому укладывается в метатекст.

2.2. Речевые действия

Речевые действия могут обозначаться глаголами по своей внешней характеристике (*говорить, сказать, произнести, повторить, добавить, слушать, спрашивать, отвечать*) или содержательно, по коммуникативной цели: как речевое воздействие (*указание, просьба, согласие, возражение, оскорбление, одобрение* и проч.), как действие информативное, собственно коммуникативное (*вопрос, утверждение, подтверждение, отрицание* и др.) или как эмоциональная реакция (*возмущение, удивление, радость* и проч.).

О выражении речевого воздействия говорилось выше. Добавим, что оно использует также условные формулы. Напр.:

(20) **Кетчуп.** <...> Убейте меня, коллега. И съешьте. Это будет даже ... элегантно. *Ну, пожалуйста!* <...>

Альберт. *Йохан, я очень вас прошу* – не надо. *Пожалуйста, доктор.*

(В. Шендерович. Тезка Швейцера)

Глаголы коммуникативного действия, связанные валентной связью с предметом речи и без обязательной валентности на адресата (*доказывать гипотезу, утверждать истину, подтверждать сказанное* и др.), могут вводиться в блоках метатекста. К коммуникативным

действиям примыкают и когнитивные – выражение сомнения, уверенности, обдумывания, понимания, знания. Напр.:

(21) **Человек.** *И вот я думаю:* есть Бог – или нет? Или все-таки – есть? Или все-таки – нету?.. Или есть?

Голос сверху. Нету меня, нету! Спи!

(В. Шендерович. Бессонница)

К коммуникативным действиям относятся подтверждения и отрицания – готовые формулы *Да – Нет*, соответствующие целым предложениям или выносимые вовне предложения, что показывает их метатекстовый характер. В просторечии в роли *Да* иногда используется *Ну*:

(22) **Следователь.** Сидоров, вы взятки брали?

Сидоров. Ну.

Следователь. А давали?

Сидоров. Ну.

(В. Шендерович. Протокол)

Кроме этих слов, для подтверждения, отрицания и выражения неуверенности используется ряд показателей субъективной модальности (*конечно, возможно, может быть, вряд ли* и проч.).

К коммуникативным действиям мы относим и различные логические операции организации высказывания и приемы комментирования: допущение, обобщение, иллюстрирование, перефразирование, вывод, установление аналогии, противоположности, порядка, причины, следствия и проч.; они являются способами оформления сообщения и часто имеют особые формулы (*допустим, в общем, например, иными словами, так сказать, таким образом, так, значит, аналогично, и т. п., напротив, наоборот, во-первых, наконец* и проч.). Эти формулы, употребленные часто и неуместно, имеют тенденцию десемантизироваться и переходить в сорняки.

Эмоциональные воздействия, особенно реакции, также могут переключать референцию на ситуацию общения. Выражение эмоциональных реакций производится непосредственно междометиями, или они оформляются предложением, напр.:

(23) **Судья.** Подсудимый, признаете ли вы, что скушали сорок человек и корову, и быка, и кривого мясника?

Барабек. *Ах, не могу об этом слышать!*

(В. Шендерович. Судья и Робин Бобин Барабек)

Для эмоциональных реакций характерно то, что они могут возникать по отношению к любой реплике, даже не имеющей выраженного речевого воздействия.

2.3. Метатекстовое представление предмета речи

Предмет речи обычно раскрывается в основном тексте, но вводиться может метатекстом.

(24) **Стронциллов.** ... *Рассказать вам про ад, с картинками?*

Пашкин. *Не надо. Лучше давайте еще – про ангела...*

Стронциллов. *Не ваше дело.*

Пашкин. *Хорошо. Тогда давайте про меня. Вы говорили – вроде есть возможности...*

(В. Шендерович. Два ангела, четыре человека)

Как видно из примера, тема, являясь предметом обсуждения в ситуации общения, включена в развернутый метатекстовый сюжет.

* * *

В рассмотренных примерах мы пытались показать роль метатекста как характерного для диалога уровня воплощения ситуации общения в речи. Использование метатекстовых показателей делает возможным эксплицитное выражение смыслов, составляющих содержание общения, в то время как содержание сообщений передается основным текстом. Грамматика диалога дает возможность представить текст диалога как сочетание и взаимопроникновение двух уровней, соотносимых с двумя референтными планами диалога.

1. Вежбицка А. Метатекст в тексте // НЗЛ. Вып. 8. М.: 1978.
2. Linell P. *On Some Principles of a Dialogical Grammar* // Dialogue Analysis VIII: Understanding and Misunderstanding in Dialogue. Selected Papers from the 8th IADA Conference Göteborg. Tübingen: Max Niemeyer Verlag 2004, pp. 7-23.

3. Marková I., Linell P. Coding Elementary Contributions to Dialogue: Individual Acts versus Dialogical Interactions // Journal for the Theory of Social Behavior. 1996; Vol. 26(4), 354-373.
4. Мединцев В. А. Диалогическое моделирование психологических взаимодействий // Вопросы психологии. М. 2005, №5. С. 50-57.
5. Таннен Д. Просто ты меня не понимаешь // Гендер и язык. М.: 2005.
6. Федорова Л.Л. К исследованию диалога // Болгарская русистика. София: 1979, № 5.
7. Федорова Л.Л. О двух референтных планах диалога. ВЯ. 1983, № 5.
8. Федорова Л.Л. Краткий очерк грамматики диалога // Теоретические и практические проблемы прикладной лингвистики. М.: 1988.
9. Шендерович В. Вечерний выезд общества слепых. М.: 2005.